

Первая глава

Песня висельника

МЭРИ

Первый дождь, который я вызвала, был скорее туманом, мелкой взвесью над сланцевыми холмами к востоку от Гистойой Пустоши. Он окутал шпиль каменной церквушки, опустился на крышу гостиницы, а потом стек по конькам и дымоходам домов, разбросанных вдоль реки. Его силы хватило лишь приглушить фиолетово-золотистый цвет неба, рассеять в воздухе первые лучи солнца, превращая их в потустороннюю дымку.

Я помню, каким сладким, дерзким и бодрящим казался мне этот дождь. Помню, как он стекал по моим щекам и листьям тиса над головой. В тот миг я пробудилась, и колдовство впервые вплелось в простую детскую песенку.

Мама нашла меня под тисом, смахнула грязь с одежды и крепко сжала лицо руками. Я смотрела на ее запястья со множеством шрамов, но взгляд то и дело возвращался к ее широко расставленным глазам с голубыми радужками, испещренными серыми прожилками.

— Никогда больше этого не делай, дитя, — сказала она ровным, холодным голосом. Над нашими головами шумел тис, вода безмятежно стекала с его узких листьев. — Если ты станешь так петь, тебя заберут. Хочешь пропасть навсегда?

Я помотала головой, неуверенно и испуганно. Ветер полностью заполнил легкие, и я умирала от желания что-то сказать. Еще больше мне хотелось петь, чтобы усмирить боль в груди. Но когда мама говорила таким тоном, я не смела послушаться.

— Тогда тихо. — Она провела пальцем по моим губам. Ее кожа, от запястий до плеч, скрытая под отцовским

пиджаком, была обветренной и грубой. — Ты же не хочешь закончить так, как твоя мама?

В тот день она должна была вернуться в море. Пришел указ, а значит, деваться было некуда. Мама что-то прошептала на ухо моему отцу, поцеловала его в щеку, а затем подошла ко мне и погладила по волосам. Потом устроилась на рундуке, привязанном позади забрызганной грязью кареты, и вскоре та скрылась из виду на длинной дороге между Гистойой Пустошью и сланцевыми холмами. Мама до последнего мгновения смотрела на меня, в ее взгляде читалось прощание и одновременно напоминание о том, что она сказала.

Она не вернулась. Снова началась война, очередная великая война, и место моей матери было на флоте королевы, в одном ряду с тысячами других мужчин и женщин, защищавших берега Аэдина. Но даже в ее отсутствие я следовала запрету. Я больше не пела, по крайней мере, не так, чтобы повелевать ветрами, облаками и, как утверждали некоторые, самой водой. Я не пела целых шестнадцать лет.

А потом сделала первый шаг по стопам матери, и это привело меня прямиком к виселице и грубой пеньковой петле. Увы, мое падение в омут безнравственности вот-вот должно было оборваться — внезапно и грубо.

— Абета Боннинг, — объявил судья в аккуратном белом парике и черной треуголке с помоста виселицы.

За его спиной возвышалась толстая каменная стена форта Элмсворт. Одиноким солдат в красном мундире вышагивал, опустив взгляд и уперев ствол мушкета в плечо, а дуло устремив в небо.

— Это не мое имя, — упрямо пробормотала я, но сердце колотилось так громко, что я едва себя слышала.

Юбки и лиф были испачканы грязью, а исподнее, несмотря на прохладный осенний день, промокло от пота. Слабая и растрепанная, я дрожала, жалея о том, что когда-то покинула Пустошь.

Судья начал зачитывать список якобы моих преступлений, от холода его дыхание превращалось в пар, но я почти не слушала. Ледяной ветер, как всегда, что-то шептал мне. Он пронесился над головами тридцати с лишним заключенных во дворе, одетых в ту же одежду, в которой они были арестованы несколько месяцев или даже лет назад. Мужчины и женщины, угрюмые и хмурые, отчаявшиеся и больные. Дрожащие дети, от которых остались кожа да кости, и лишь огромные глаза выделялись на лицах.

Я прислушалась к ветру, борясь с желанием запеть. Разве это не было бы достойным финалом — спеть под дождем во время казни? Все равно помирать, а значит, ни пресловутый флот, ни пираты-убийцы не смогли бы утешить меня в море.

Вот только я бы не умерла. Сердце сжалось от этой мысли. Стоило мне запеть, и казнь бы остановили, а меня вернули бы в камеру ждать, пока за мной придут флотские или кто еще хуже, как когда-то пришли за моей матерью.

«Бывает судьба хуже смерти, дитя», — услышала я в голове голос мамы. И все же сейчас, глядя в лицо этой самой смерти, я не была уверена в маминой правоте.

Как жаль, что я не смогу увидеть ее снова! Ну почему еще пять недель назад, когда меня вышвырнули в большой мир, я сразу не отправилась на ее поиски? Надо было хотя бы попытаться, какой бы безнадежной ни казалась затея. Однако у меня не хватило ни смелости, ни сил. Теперь я умру, так и не узнав, что с ней случилось.

— И кто же ты, если не Абета Боннинг?

Я не сразу поняла, что вопрос задал не судья в треуголке, а пленник, стоявший рядом со мной. Моему товарищу по несчастью надели мешок на голову, но, судя по голосу, он был молод, к тому же говорил с изысканным акцентом, под стать дорогому сюртуку, бридгам и высоким сапогам. Я с удивлением заметила, что его одежда была абсолютно чистой, лишь сапоги забрызгало свежей грязью, пока он шел через двор.

— Они что, дали тебе переодеться перед... этим? — спросила я, игнорируя его вопрос. На всех в форте напала глухота, когда я называла свое настоящее имя, так что ни к чему было произносить его и сейчас.

Судья все еще продолжал перечислять многочисленные преступления Абетты Боннинг, которой, как я уже говорила, я не была. И эти преступления не совершала. По крайней мере, не все. Некоторые относились и ко мне, но это совпадение. Святой мне свидетель, у меня действительно были все шансы умереть сегодня.

Пленник вытянул вперед связанные запястья, и в скудном солнечном свете блеснули серебряные пуговицы на манжетах.

— Одежда — так, небольшое одолжение.

— И у тебя мешок на голове.

— Верно. Охраняют тайну личности, видать, мешаю кому-то. Давай говори, как тебя зовут, пока мы не предстали перед Святым и он не испортил сюрприз.

— Сомневаюсь, что мы предстанем перед Святым, — пробормотала я. Мне пришлось прижать связанные ладони к желудку, чтобы усмирить его и удержать на месте. Интересно, мой собеседник слышит, как колотится мое сердце? Уверена, что да. — Когда этот люк откроется, мы провалимся напрямиком в ад.

— За себя говори... — Он сделал паузу, давая мне возможность вставить имя. — Элизабет?

— Мэри, — призналась я и тут же разволновалась, сама не понимая отчего. Я перевела взгляд на судью, который как раз читал длинную молитву о милосердии к проклятым. Странно, а ведь он не огласил имя моего соседа по виселице и не перечислил его преступления.

— Доброго вам дня, Мэри. — Мой собеседник произнес это церемонно, словно мы были на званом обеде. — Меня зовут Чарльз.

— И вам доброго дня, Чарльз.

Я почти рассмеялась, хотя по звуку это больше напоминало приступ удушья. Я моргнула несколько раз, но с каждым мгновением происходящее казалось все менее реальным. Ветер был таким холодным, что у меня свело мышцы, а кожу щипало. Остальные заключенные молчали, их унылые взгляды были обращены к моему лицу.

Ну конечно, я сплю. Нет никакой петли на шее, никакого палача в черном балахоне, который стоит возле виселицы и держит руку на длинном железном рычаге.

Я опустила глаза вниз, к люку, который располагался как раз под моими потрепанными ботинками и щегольскими сапогами Чарльза.

— Мэри, — снова произнес Чарльз, но уже нерешительно. Я подняла глаза и увидела побелевшие костяшки пальцев, которыми он вцепился в пуговицы на спортуке. Полоска кожи на шее между петлей и галстуком, единственное обнаженное место, покраснела от холода и волнения. — Не могла бы ты... отвлечь внимание?

Я вдруг испугалась, что охранники услышат нас, и окинула взглядом двор.

— То есть?.. — прошипела я.

— Я набросал план побега... Так, в грубых деталях. Но мне не хватает отвлекающего маневра, — сообщил Чарльз приятным, хоть и слегка напряженным голосом. — Видишь ли, я задолжал самым разным людям в этом городе, включая нескольких солдат в форте. Все они потеряют кучу денег, если я сегодня умру. Поэтому мне надели мешок на голову, хотят избавиться без лишней огласки. До меня дошли слухи, что пара солдат готовы открыть ворота, что выходят на берег реки, чтобы я смог сбежать. Но туда надо еще добраться. Я возьму тебя с собой, если сможешь отвлечь внимание.

Ветер растрепал мои волосы, и каштановые пряди упали на лицо. Я вдыхала холодный воздух, позволяя ему пол-

ностью заполнить легкие и раздуть искру... надежды? Ну нет, надежде здесь не место.

Тем не менее ветер продолжал завывать, а искра стала разгораться, превращаясь в чувство, которое я не подпускала к себе с того дня, когда еще ребенком стояла под тисом. Это было так захватывающе и безрассудно, так манище и совершенно естественно.

Колдовство.

— Я бы могла. — Мой голос прозвучал чуть хрипло. — Но с чего тебе брать меня с собой?

— С того, что ты — не Аbeta Боннинг, печально известная разбойница, убийца и наперсница леди Адейл Дебо. Может, я и преступник, но не могу допустить, чтобы ты умерла вместо нее. — Чарльз заговорил быстрее, спеша закончить до того, как судья дочитает молитву: — Так что, если бы ты сейчас закричала и призналась, будто ждешь ребенка, я был бы тебе очень обязан.

Безусловно, заявление о беременности могло отвлечь внимание и даже дать временную отсрочку от казни, вот только ветер уже стал частью меня, и я была способна на большее. Это означало нарушить обещание, данное матери, рискнуть и заполучить участь, которая якобы хуже петли. Но жажда жизни уже пылала в моей груди.

— Тогда приготовься.

Я набрала в грудь побольше воздуха и начала петь:

— *Когда на борт она взошла, сверкнула сабля, по бокам...*

Ветер взметнул бумаги судьбы во внезапно потемневшее небо. Серые тучи клубились, с каждой секундой все больше наливаясь и темнея, словно их питал подземный родник. Воздух стал холодным, арктическим, заключенные заметались по двору, истошно вопя, а судья прижал треуголку к голове и начал орать на ошеломленных охранников.

Я едва расслышала, как Чарльз выдавил из себя:

— Да ты — чертова погодная...

Я продолжала петь:

— *Два пистолета да кинжал — нет краше девы на войне...*

Краем глаза заметила, как солдат в красном мундире, который вышагивал на стене, направил на меня свой мушкет, а к нему уже спешили еще полдюжины охранников. Их двубортные мундиры пылали предзакатным алым на фоне темнеющего неба.

В ушах загудел предупреждающий набат, но я его почти не слышала. Холодный ветер трепал юбки и выдергивал пряди волос из туго стянутого пучка.

— *«Но смерть подарит вам не сталь, — сказала дева морякам, —*

Мой голос принесет вам смерть и сила, что живет во мне...»

Стремительно обрушившийся снегопад сильно хлестал по лицу, а затем все вокруг погрузилось во мрак. Наступила темнота, густая и жуткая, но я ухмылялась. Вот она, сила. То, чего я была лишена все эти годы, проникло под кожу, очистило разум и обострило чувства. Ветер унес мое дыхание, песня умерла, но теперь это не имело значения. Буря пришла, и она разыгралась.

Кто-то крикнул мне в самое ухо:

— За мной!

Чарльз? Точно, пора бежать.

Мои руки все еще были связаны, но я нащупала петлю на шее, перекинула ее через голову и схватила Чарльза за руку. Мы вместе кинулись к краю виселицы, пытаюсь спастись от дождя и случайных мушкетных пуль. Он спрыгнул на грязную землю, затем его руки — чудесным образом ставшие свободными — подхватили меня, и я прыгнула следом.

Под ногами захрустела ледяная корка, и мы бросились наутек. Мимо нас проносились другие пленники, безликие в этом хаосе, и я вцепилась в руку Чарльза. Нельзя было отстать и потеряться.

Я увидела красный мундир, который явно выделялся на снегу. Это был солдат. Я вскрикнула, споткнулась, как новорожденный жеребенок в грязи, но мужчина только отступил назад и махнул рукой одному из своих товарищей, и тот открыл перед нами тяжелую наружную дверь.

Грязь под ногами сменили булыжники. Мы едва успели проскользнуть в дверь, как она снова захлопнулась. Какофония эха пронеслась по каменному проходу, наши шаги и неровное дыхание заполнили пространство.

Чарльз с силой толкнул другую дверь, но она не поддалась. Стоило мне только представить, что она заперта и сейчас придут солдаты, выстрелят из мушкетов и... Я запаниковала. Однако через несколько мгновений дверь с грохотом распахнулась. Чарльз выскочил наружу, и буря снова закружила нас вихрями ветра и снега.

Здесь вдоль форта тянулась каменная набережная, а за ней — река и окраины портового города Уоллума. Четыре приземистых, закрытых речных судна покачивались у причалов, одно из них — с зажженными фонарями, двумя десятками весел, направленных в небо, и открытой дверью. Чарльз бросился к нему, и я поспешила следом.

Прежде чем мы добежали до баржи, Чарльз прокричал сквозь бурю:

— Теперь решай: дальше ты сама или пойдешь со мной?

Юбки прилипли к ногам, готовые запутываться при каждом шаге, а холод пробирал до костей.

Я стиснула зубы и зло посмотрела на него:

— В смысле?

Он повернулся ко мне:

— Не могу обещать, что ты будешь в безопасности на этой барже!

Я едва могла разглядеть его лицо сквозь пелену снега, хотя он был всего в паре дюймов от меня. Но я услышала напряжение в его голосе и огляделась. Вдоль крепостных стен тянулась тропинка, покрытая грязью, слякотью и ручейками воды. Я могла бы пойти по ней, но не представля-

ла, куда она ведет. Я также не представляла, что ждет меня на суде, кроме людей, сомнительных с точки зрения морали, которым был обязан Чарльз, совершенно незнакомый мне человек.

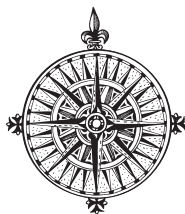
Сверкнула молния. Я впервые отчетливо разглядела Чарльза: взъерошенные светлые волосы, большие, почти женские глаза. Лет двадцать пять, с мягкими щеками и плавной линией подбородка — не красавец, и лицо слишком нежное для преступника. Мелкие снежинки кружились над ним и застревали в волосах.

Воздух становился холоднее с каждым мгновением. К этому моменту все в городе уже, наверное, знали, что погодная ведьма оказалась на свободе.

— Мэри! Отвечай! — закричал Чарльз. — У нас мало времени!

Я могла бы сбежать. Но не успела опомниться, как выбор был сделан за меня. Из люка баржи выскочили двое мужчин и втащили нас внутрь.

ШТОРМОВИК, ШТОРМОВИЧКА –

человек, обычно женщина, который может управлять ветром и погодой с помощью своего голоса. Гильдия штормовиков была основана в 1221 году и упразднена в 1693 году королевой Мог II после потери острова Якорный, принадлежавшего Аэдину. Это произошло во время войны Непогрешимых Святых – морского конфликта, в котором штормовики отказались участвовать. Приговоренные к кабальному труду за измену Короне, все члены гильдии были официально приняты на службу в Королевский флот Ее Величества, хотя многие из них впоследствии стали жертвами злодейств. См. также ПОГОДНАЯ ВЕДЬМА, ПОГОДНЫЙ МАГ, ВЕТРЯНАЯ ВЕДЬМА.

Из словаря «Алфавитика: Новейший словник Аэдина»

